

РЕАКЦИИ ДЕТЕЙ НА ПОТЕРЮ РОДИТЕЛЕЙ

Е. С. Мордас *Кандидат психологических наук, доцент,*
О. Н. Чернова *кандидат психологических наук, доцент,*
Московский гуманитарный институт
им. Е. Р. Дашковой,
г. Москва, Россия

Summary. The most difficult that can happen to a small child is the loss of parents, repeated or prolonged separation, the threat of being abandoned, the experience of deprivation lead to the development of dysfunctional anger weakens the feeling of love, enhanced by the experience of anger, resentment, anxiety, care in the world of fantasy and denial of the real event of loss. The dependence of the lost object, the projection of infantile experience of relations to external objects in reality, the prevalence of a number of protective mechanisms entail the rejection of reality. Depressive children exist because they are not found. The true self is hidden, and what we see is a messy false self, whose function is to keep your true self hidden.

Keywords: anxiety; loss; deprivation; anger; aggression; trauma; reality; symbiosis; Ego; fantasy; separation.

Проблема депривации и потери представлена в работах многих отечественных и зарубежных исследователей: А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, Дж. Боулби, Д. Винникотт, К. Лангмейер, З. Матейчик, У. Нагера, Э. Пиклер, С. Прованс, Р. Липтон, К. Солоед, А. Фрейд, Р. Шпиц, М. Малер [6]. Авторы рассматривают в своих работах различные аспекты депривации, последствия и особенности развития детей и подростков. Наиболее подробно мы остановимся на реакции отрицания детьми потери своих родителей.

Самое тяжёлое и трудное, что может случиться с маленьким ребёнком, – быть оставленным или отвергнутым значимым Другим. В условиях потери значимого Другого ребёнок вынужден развиваться дальше без умения существовать или с частичной потерей этой способности. Ребёнок не может положиться на взрослого как на надёжного партнёра по симбиозу и должен большую часть «материнской работы» выполнить самостоятельно, то есть «удочерить» или «усыновить» самого себя. Для этого он использует в качестве вспомогательного средства собственные ресурсы, которые слишком малы и несовершенны [7].

З. Фрейд [9] впервые обозначил значимость Другого в психической жизни человеческого младенца. Он первый, кто указал о нарцис-

сическом типе выбора объекта и исследовал проблему нарциссизма. В начале своей работы Фрейд предполагал, что отношение ребёнка к матери основывается на непосредственном удовлетворении сексуального инстинкта. Позднее Фрейд вводит новое понимание эмоциональных уз с другим лицом – тот, кто предоставляет нам пищу, одежду и защиту. Согласно Фрейду, самой примитивной фазой развития выступает «первичный нарциссизм», из которого развиваются все другие организации либидо. Это промежуточная фаза между аутоэротизмом и объектной любовью. Нарциссизм или либидо Я – это резервуар, из которого высылаются привязанности к объектам и в который они снова возвращаются. В ситуации потери субъект вынужден направлять освободившееся либидо в другой объект. Если либидо не находит себе места в другом объекте, либидо возвращается в Я субъекта, то есть происходит регресс к первоначальному нарциссизму. Если потеря не пережита, субъект остаётся зависимым от потерянного объекта, продолжает с ним себя идентифицировать, разворачиваются деструктивные проявления в отношении собственного Я. У человека с патологией нарциссизма наблюдаются следующие черты: бред величия и потеря интереса к окружающему миру. Здесь не утрачивается эротическое отношение к людям и предметам, оно сохраняется в области фантазий. То есть, реальные объекты заменяются и смешиваются с воображаемыми образами и человек не прилагает никаких усилий для действительного обладания объектами.

Чтобы понять значимость симбиотических отношений, обратимся к краткому обзору идей М. Малер [5]. Маргарет С. Малер обращала особое внимание на то, как младенец постепенно освобождается от материнской опеки. Процесс сепарации-индивидуации, в результате которого ребёнок становится автономным и независимым, она назвала «психическим рождением человека». Разделение Малер рассматривала как развитие способности быть независимым от матери.

Добавим, Д. Винникотт [3] также подчёркивает важность процесса, в котором ребёнок впервые вступает в интенсивные, особые диадные отношения с матерью. Сначала это интрапсихические, объектные отношения, а не «социальные». Затем младенец должен сепарироваться и индивидуализироваться, что является следующим важным интрапсихическим процессом.

Согласно Малер, симбиотические отношения (стадия симбиоза) являются основой организации Эго, физического и психического развития в целом. Нормально протекающий симбиотический опыт позволяет сформировать чувство доверия и уверенности в себе и в другом человеке.

На стадии симбиоза мать ведёт себя и функционирует, словно он и она составляют всемогущественную систему – диадическое единство внутри одной общей границы. Без вмешательства матери (её фигура способна уменьшить напряжение ребёнка) ребёнок в это время может оказаться затоплен стимулами извне. Основной чертой симбиоза является галлюцинаторное, или иллюзорное соматопсихическое всемогущее слияние с материнской репрезентацией; иллюзия общей границы у двух физически отдельных индивидов.

В этот период большую роль играет переживание чувственного контакта всем телом, особенно глубокая чувствительность всей поверхности тела (сила материнского объятия). Рот-рука-ухо-кожа сливаются с первым визуальным образом – материнским лицом. У ребёнка преобладает первичный нарциссизм, но на симбиотической фазе он не столько абсолютный, каким был на аутистической. Ребёнок смутно воспринимает удовлетворение нужд как идущее от какого-то частичного объекта. Потребность постепенно становится желанием, а затем специфически связанным с объектом аффектом или сильным стремлением.

Наряду с циклами удовольствие-боль, переживаемыми ребёнком, происходит установление границ репрезентаций телесного Эго внутри симбиотической матрицы. Эти репрезентации вносят вклад в формирование образа тела ребёнка. Начиная с этого момента, телесные репрезентации (они содержатся в рудиментарном Эго) служат связующим звеном между восприятием того, что идёт изнутри, и того, что находится снаружи. Внутренние ощущения младенца формируют ядро его самости. Они (внутренние ощущения) являются центральной точкой кристаллизации чувства Я, вокруг которого будет формироваться «чувство идентичности».

Биологическое рождение младенца и психологическое рождение индивидуума не совпадают по времени, согласно Малер. Психологическое рождение индивида Малер рассматривает посредством процесса сепарации-индивидуации, что предполагает установление чувства собственной отдельности и формирование отношений с реальным миром, особенно в аспекте опыта, связанного с собственным телом и первичным объектом любви в реальности. Сепарация-индивидуация оказывает влияние на весь жизненный цикл целиком. Она никогда не заканчивается, и мы можем наблюдать в новых жизненных фазах отголоски самых ранних отношений. Сепарация и индивидуация представляют собой два комплементарных процесса развития: сепарация включает выход ребёнка из симбиотического слияния с матерью, а индивидуация состоит из детских достижений, которые убеждают ребёнка в наличии его соб-

ственных индивидуальных характеристик. Индивидуация, согласно автору, – это восприятие собственной уникальности и попытка ребёнка выстроить свою идентичность не как отдельного (отделённого) от матери, а как не похожего, отличного от неё.

Фаза сепарации-индивидуации является ключевой по отношению к Эго и развитию объектных отношений. Мать выступает для ребёнка как внешний стабилизатор, вспомогательное Эго, как реальный внешний объект в качестве базы для развития стабильного чувства отдельности от реального мира и связанности с ним. В ситуации депривации процесс созревания продолжается, в то время как психологического развития не происходит, что приводит к чрезвычайной хрупкости рудиментарного Эго. За этим может последовать фрагментация, что, в результате, приводит к клинической картине детских психозов.

Таким образом, М. Малер представила процесс развития индивида: от аутистического существования до обретения индивидуальности, включённости в социальный контекст и коммуникации с Другим, и возможности тестировать реальность. Главное качество матери по отношению к ребёнку – её доступность. Дети, не пережившие симбиотические связи и весь процесс сепарации-индивидуации, оказываются во взрослом состоянии неспособными выстраивать зрелые отношения любви и самореализовываться в полной мере, поскольку они продолжают оставаться фиксированными на ранней стадии развития и в реальных отношениях делают попытки воссоздать прежние инфантильные отношения с Другим.

Джон Флеминг (Joan Fleming) [14] в своей статье описывает детские реакции на потерю близких людей. Автор занимался анализом взрослых, которые пережили лишение объекта в детстве или подростковом возрасте (от шести месяцев до двенадцати лет). Переживание депривации повлияло на развитие незрелой Эго-структуры, что в дальнейшем мешало установить необходимые отношения для работы с аналитиком. Автор выделяет основную особенность данных пациентов – это попытки на протяжении жизни и неудачи в этих попытках сепарации с другими. Эти люди были не в состоянии решить задачу сепарации-индивидуации – то, что позволяет обрести зрелость, движение к взрослой жизни. Кроме того, они, казалось, не придают большого значения потери родителей: они отрицали какое-либо чувство горя от потери или пропавших без вести их родителей в настоящее время.

Автор продолжает, что, когда в процессе работы внимание сосредоточилось на явлениях незрелости и отсутствии горя, то стало очевидно, что реальные потери были как травматический опыт, что при-

вело к образованию огромного чувства разлуки; что эти пациенты справились с травмой, отрицая реальность потери и путём отыгрывания отношений либо в фантазиях, либо с заменителями потерянных объектов в их настоящей реальности. Подобные наблюдения привели к гипотезе, что они используют всю доступную энергию, защищая себя от переживания боли и горя, и что их ресурсы служили для них защитой психического состояния.

Наиболее распространённое объяснение отсутствия горя [12; 17; 19] – это незрелость Эго ребёнка. Волфенштейн (Wolfenstein) [15] отмечает, что только в подростковом возрасте Эго может интегрировать переживание траура, что описано Фрейдом. Чтобы завершить эту задачу, необходимо декатектировать образ утраченного объекта, а также нужен фактический объект, тем самым высвобождая энергию для катексиса нового объекта и возможности двигаться дальше, прочь из прошлого в будущее. Волфенштейн считает, что до подросткового периода значимые инфантильные объекты не настолько структурированы, что возможна работа нормального декатексиса траура. Автор приводит данные исследования 42 детей, потерявших родителей в возрасте от трёх с половиной до девятнадцати лет, и отмечает одну из особенностей детей – отрицание реальности и утверждение, что родители ещё живы. Один из детей сказал: «Если бы моя мама действительно умерла, я остался бы одиноким». Или: «Если бы я признался самому себе, что мама умерла, мне было бы очень страшно» [19, с. 109]. В той или иной форме взрослые пациенты говорят то же самое.

Приспособление маленьких детей, лишённых родителей, позволяет им восстановить положение, в котором они могут чувствовать, что родители по-прежнему есть, они живы. Вид галлюцинаторного желания-исполнения – это механизм, обнаруживающий себя в раннем развитии Эго-функции, мы называем толерантностью вследствие отсрочки и замены удовольствия [10]. Хилгард (Hilgard) [18] описал, как в некоторых случаях воспоминания выстраиваются из реальных галлюцинаций и других волшебных проявлений с целью установления контакта с теми, кого нет – обычное, хотя и временное, нормальное явление в трауре. Не желая принимать мысль о смерти близкого, пациенты погружаются в фантазию, некий сказочный волшебный мир, в котором чувствуют присутствие умершего родителя. Степень погружения зависит от того, насколько отрицается человеком реальность смерти и насколько желаемо (мифически) убеждение, что родитель ещё жив. Эти иллюзорные, воображаемые отношения часто разыгрываются в игре.

Фантазии служат для поддержания чувств, вызванных желанным объектом и отношениями. Необходимость или желание так сильно, что реальности может быть отказано, и может исказиться нормальное восприятие реальности, нарушается тестирование реальности. Хартман отмечал, что объекты выстраиваются или теряются посредством Эго-факторов, что имеет особое влияние на наше понимание Эго-силы, чтобы сохранить образ объекта, потерявшегося вследствие смерти, и чувствовать связь с этим объектом. Интернализированный образ выстраивается посредством различных переживаний и интеракций с родительскими объектами – это необходимо ребёнку для обеспечения безопасности, уважения к себе и другим нарциссическим и либидинозным ресурсам. Чтобы принять «потерю» из-за смерти, навязанную извне депривацию, нужно, чтобы были усвоены (переживались) чувства того, что отношения с объектом есть, и переживались сами отношения с объектом. Эта фантазия о продолжающихся отношениях с отсутствующим родителем сохраняется в виде подсознательной фантазии, несмотря на хорошее тестирование реальности в большинстве других областей. Они действуют в качестве путеводной звезды, языком М. Малер влияют на многие аспекты поведения, в зависимости от уровня тестирования реальности и стадии объектных отношений, когда случилась утрата.

В заключение, потеря родителя для ребёнка – это стрессовая травматическая ситуация. Несформированные психологические защиты, незрелое Эго приводит к тому, что ориентация в реальности нарушается и теряется равновесие. В ряде случаев Эго отворачивается и отказывается принимать изменившиеся реалии. Фантазии позволяют сохранить потерянный объект; родитель как бы продолжает иллюзорно существовать. В таком случае человек живёт одновременно как бы в двух мирах (двух реальностях), с точки зрения социальных отношений. Во внешнем мире он строит адекватные социальные отношения, одновременно оставаясь подсознательно в симбиотических отношениях с образом потерянного родителя.

Р. Шпиц [11] описывал многочисленные симптомы нарушения поведения, задержку психического и физического развития у детей, воспитывающихся в государственных детских учреждениях. Автор различал три стадии в развитии связей с объектом в течение первого года жизни. Переживание ребёнком тревоги свидетельствует о том, согласно Шпицу, что мать занимает исключительное положение в его психической жизни. Если ребёнком была создана связь с объектом, но она прервалась, то

происходит нарушение, которое Шпиц назвал «аналиктической депрессией». Если недостаток материнской заботы продолжается, то психическое развитие переходит в развёрнутую картину «госпитализма».

Как отмечал автор, если ребёнок лишён либидинозного объекта, он утрачивает способность направлять вовне не только либидо, но и агрессию. Первоначально он не может найти цель для разрядки влечения, становится плаксивым, цепляется за любого попавшего в его поле зрения другого, пытаясь с помощью агрессивного влечения вновь обрести объект любви. Позднее агрессивность снижается, и обнаруживаются первые отчётливые соматические симптомы (бессонница, потеря аппетита и пр.) Можно сказать, что младенец возвращается к форме существования, возникшей на стадии первичного нарциссизма: он не способен воспринимать в качестве объекта своё тело. Дети, лишённые возможности сформировать объектные отношения, оказываются неспособны направлять либидинозное и агрессивное влечение на один и тот же объект, что способствует слиянию двух влечений. Отсутствие объекта во внешнем мире, разъединённые влечения направляются на самого ребёнка, воспринимая его в качестве объекта. Последствия не подвергшейся слиянию и обращённой против собственной персоны агрессии выражаются в деструктивных проявлениях [11].

Если первоначально оставленный ребёнок пытается вернуть объект, то в последующем он отказывается от близких отношений привязанности вообще, что Дж. Боулби [1] описал в своей работе, посвящённой привязанности и нарушению эмоциональных уз. Ребёнок, в отличие от взрослого, ещё не завершил множество процессов, связанных с развитием, которые требуют для нормального развития присутствие Другого. При потере Другого объекты воссоздаются и оживают вновь, чтобы удовлетворить требования психического развития ребёнка.

Теряя значимого Другого, ребёнок способен переживать скорбь. Традиционно выделяются основные стадии переживания горя: шок, гнев или протест, ведение переговоров, депрессия, разрешение вопроса. Согласно У. Нагера [7], потребности ребёнка в родителях различны на разных стадиях развития. Дети и подростки зачастую реагируют на потерю аномальными проявлениями, тревогой, агрессией (ауто- и гетеро-), регрессиями в области влечений, амбивалентным отношением, в форме отказа от определённых достижений Эго и отклонениями в поведении, чувством вины, стыда, беспомощности, смутения, тоски, неверия, самообвинения и пр.

На ранней стадии развития, оказавшись в детском доме, ребёнок испытывает дистресс. В случае, если у него уже был опыт взаимодей-

ствия с материнской фигурой, то ребёнок чувствует разницу между заботой матери и фигурой, замещающей мать.

На следующей стадии, когда объект приобретает собственную психическую репрезентацию, ребёнок научается распознавать и различать качественные изменения в сенсорном опыте удовлетворения, связывает это изменение с объектом; распознаёт такие вещи, как разница в мышечном тоне, тепло кожи, высота голоса и ритм дыхания.

Далее он научается различать качества объекта и более чётко отделять Я от объекта. Согласно У. Нагера, дети обладают ограниченной способностью выносить острую боль. В связи с этим известно множество примеров глубокой и затяжной реакции ребёнка на утрату матери. Ребёнок зависит от постоянства внешнего окружения, и изменение непосредственного окружения переживается им как утрата чего-то очень важного, усиливается тревога, появляется чувство ненадёжности [7].

До латентного возраста дети, как правило, отрицают потерю значимого Другого (отрицание связано с низкой толерантностью к острой боли). И им сложно осмыслить и принять факт ухода Другого из их жизни. Подростки, в отличие от детей латентного возраста, способны уяснить смысл и необратимость потери. Но подросток всё ещё привязан к своим инфантильным объектам и его психическое и эмоциональное развитие ещё не завершилось. Утрату объекта в подростковом возрасте можно охарактеризовать как вмешательство в развитие [7].

Одной из реакций на потерю, по Дж. Боулби [1], является агрессия и гнев. Ребёнок, проявляя гнев по отношению к значимой фигуре, тем самым упрекает родителя за то, что тот его покинул, когда ребёнок очень в нём нуждался. Когда разлука временна, гнев помогает ребёнку преодолеть это обстоятельство и трудности, мешающие воссоединению, и может отбить у значимого Другого желание уходить снова. То есть, гнев выступает как попытка воссоединиться и предотвратить дальнейшую разлуку. Если разлука долговременна, то первоначально ребёнок не верит этому обстоятельству и ведёт себя как раньше, требуя объект, требуя и ожидая его возвращения. Потерянный значимый Другой переживается как сбежавший и ответственный за всё то, что происходит. В результате гнев ребёнка, целью которого было воссоединение и наказание за уход, оборачивается против других людей, считающихся сопричастными к потерянному объекту.

Длительные и повторяющиеся разлуки (или угроза быть покинутым) развивают глубокое чувство страха, обиды на значимого Другого. Ребёнок раздражается угрозой быть оставленным, но не может это

выразить Другому, поскольку боится быть брошенным. Страх и обида подавляются. Это один из вариантов тревожной привязанности, которая проявляется в удержании максимальной доступности объекта привязанности, гнев выступает упрёком за то, что произошло, и средством устрашения с целью предотвращения ухода значимого Другого. Нужно отметить, что гнев и враждебность следует понимать как реакцию на фрустрацию (ситуация фрустрации в данном случае – уход Другого и неудовлетворение необходимых потребностей, желаний Другим). В итоге возможны болезненные конфликты, поскольку враждебность ребёнка по отношению к Другому усиливает его тревогу, если фигура привязанности недоступна тогда, когда он в ней нуждается. Чем сильнее ребёнок нуждается в объекте, тем сильнее его переживания тревоги и агрессии. Сила любви ребёнка равноценна силе чувства ненависти к объекту привязанности.

Идея агрессии как попытки восстановить и создать надёжные отношения, разворачивается также в работах Д. Винникотта. Его цитата: «Я тебя разрушал, я тебя уничтожал, а ты выжил. Значит, ты меня любишь...» [3]. Главная задача матери – уцелеть. Винникотт отмечает связь насилия, терроризма с депривацией и правонарушениями детей и подростков. Автор считает, что преступность связана не только с интрапсихическими конфликтами, но непосредственно с внешними факторами, которые сыграли решающую роль в определении будущих возможностей ребёнка, делинквентного поведения и структуры характера.

Наблюдения автора (во времена массовой эвакуации из Лондона в ходе Блиц) привели его к выводу, что вся ситуация эвакуации являлась для детей «трагической историей», потому что дети нуждаются в безопасной и стабильной родительской среде, которая на тот момент была прервана. Повторные наблюдения последствий для детей, отделившихся от родителей, привели его к выводу, что существует прямая связь между воровством и эмоциональной депривацией. Согласно Д. Винникотту, когда ребёнок ворует, он ищет не объект кражи, «он ищет личность, ищет мать, у которой он имел право красть, потому что она мать»... Каждый ребёнок имеет право у матери брать то, что пожелает. В свою очередь, сама мать, будучи рядом с ребёнком, «отдаёт ему свою личность как материал для творчества»... [4, с. 197].

Винникотт также обозначил связи между объектом потери и признаками психического дистресса, в частности тех, которые относятся к разлуке с матерью и отцом. Автор не только понимает причины асоциального поведения детей, но и отмечает в этом психологический

знак, что свидетельствует о том, что ребёнок ещё не потерял надежды, что он или она может получить немного любви и защиты от взрослых, необходимых для его психического выживания.

Винникотт считает делинквентное поведение лишь отклонением от нормального процесса развития у детей. Он говорит: «Кто такой нормальный ребёнок? Он просто питается, растёт и сладко улыбается? Нет, это не то, что ему понравится. Нормальный ребёнок, если он верит в отца и мать, с течением времени пробует свои силы, чтобы сорвать, чтобы уничтожить, чтобы запугать, чтобы измотать, чтобы выкинуть, вступать в драку, и пр. Если в доме (и символически сам «дом») смогут выдержать всё, что творит ребёнок, чтобы разрушить этот дом, – он прекратит разрушать, если есть сомнения относительно стабильности родительских установок и «дома» – будет продолжать разрушать. Сначала ребёнок должен выстроить границы, если он хочет чувствовать себя свободным...».

Таким образом, Винникотт считает, что ребёнок должен постепенно проверить надёжность родительских способностей принять его потребности, чтобы проверить, действительно ли родители могут принимать его таким, каким он является. Если родители проходят «тест», то ребёнок имеет стабильность, с которой он шагает по жизни, развивается от одного этапа к следующему. Если это условие не предоставлено, то могут возникнуть асоциальные реакции и поведение, что соразмерно тяжести обстоятельств. Винникотт приходит к выводу, что «антисоциальный ребёнок просто смотрит немного дальше, глядя в общество, а не в свою собственную семью или школу, чтобы обеспечить стабильность, ему нужно, если он хочет, пройти довольно рано через основные этапы его эмоционального развития». В этом смысле Винникотт понимает преступность как знак того, что «остаются надежды» у ребёнка. Худший сценарий – это когда ребёнок отказался, и нет никакой надежды. Когда возникает ситуация, что ребёнок неизлечимо преступник и там очень мало что можно сделать, кроме как поместить его в контролируемую среду.

Автор отмечает, что «подвергшийся депривации ребёнок болен, это больная личность с травматическим опытом в прошлом... способность этой личности к восстановлению зависит от степени утраты осознанности гнева и от изначальной способности любить» [4, с. 198].

В заключение отметим, что длительные и повторяющиеся разлуки, угроза быть покинутым, переживание депривации ведут к развитию дисфункционального гнева, ослабевает чувство любви, усилива-

ется переживание гнева, обиды, тревожности, уход в мир фантазий и отрицание реального события потери. Зависимость от потерянного объекта, проекция инфантильного опыта отношений на внешние объекты реальности, преобладание ряда защитных механизмов влекут за собой отказ от действительности. Депривированные дети существуют благодаря тому, что они не найдены. Истинная самость спрятана, а то, что мы наблюдаем, – запутанная ложная самость, чья функция в том, чтобы держать истинную самость скрытой.

Библиографический список

1. Боулби Дж. Гнев, тревога и привязанность // Психоаналитические концепции агрессивности. Тексты. В 2 кн. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. – Кн. 2. – С. 285–305.
2. Винникотт Д. В. Корни агрессии // Психоаналитические концепции агрессивности. Тексты. В 2 кн. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. – Кн. 2. – С. 253–263.
3. Винникотт Д. В. Маленькие дети и их матери / пер. с англ. – М. : Класс, 1998. – 35 с.
4. Винникотт Д. В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. – Екатеринбург: Изд-во «ЛИТУР», 2004. – 400 с.
5. Малер М., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация. – М. : КогитоЦентр, 2001. – 413 с.
6. Морозова Е. С. Агрессивность и идентичность подростков : монография. – Ижевск: НИПЦ «Ergo», 2005. – 238 с.
7. Нагера У. Реакции детей на смерть значимых объектов // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002. – № 1. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.psychol.ras.ru>
8. Солоед К. Разлука с матерью на первом году жизни: влияние на объектные отношения у детей // Московский психотерапевтический журнал. Специальный психоаналитический выпуск. – 2000. – № 4. – С. 70–94.
9. Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Фрейд З. Художник и фантазирование / пер. с нем. – М. : Республика, 1995. – С. 252–259.
10. Шпиц Р. Первый год жизни. – М. : Геррус, 2000. – 384 с.
11. Шпиц Р. Психоанализ раннего детского развития. – М. : Геррус, 2001. – 159 с.
12. Deutsch H. (1937) Absence of Grief // Psychoanal. Q. – VI. – P. 12–22.
13. Fleming J. (1958) The Influence of Parent-Loss in Childhood on Personality Development Read at Meeting of Amer. Psa. Assn. – May, 1958.
14. Fleming J. (1963) Activation of Mourning and Growth by Psychoanalysis // Int. J. Psychoanal. – Vol. XLIV. – P. 419–431.
15. Fleming J. (1972) Early Object Deprivation and Transference Phenomena // The Working Alliance. Psychoanal Q. – Vol. 41. – P. 23–49.

16. Formax M. (1966) Resistances and Defenses Against the Work of Mourning Read at Meeting of Amer. Psyc. Assn. – May, 1966.
17. Furman R. (1964) Death and the Young Child: Some Preliminary Considerations // The Psychoanal. Study Child. – Vol. XIX. – P. 321–333.
18. Hilgard J. (1953) Anniversary Reactions in Parents Precipitated // Children Psychiatry. – Vol. XVI. – P. 73–80.
19. Wolfenstein M. (1966) How Is Mourning Possible? // The Psychoanal. Study Child. – Vol. XXI. – P. 93–123.
20. Wolfenstein M. (1969) Loss, Rage and Repetition // The Psychoanal. Study Child. – Vol. XXIV. – P. 432–460.

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

М. А. Мошкина *Кандидат педагогических наук, учитель,
Школа № 17 с углубленным
изучением английского языка,
г. Ачинск, Красноярский край, Россия*

Summary. This paper addresses the problem of formation of cultural studies competence of students. Relevance of material caused by the need to solve tasks in the implementation of new educational standards. The author proposes to use the format of the project objectives «Road Map» on the material of the native land.

Keywords: on cultural competence; educational standards; the project activity.

Цель данной статьи – показать эффективность использования экстралингвистической информации в формировании культуроведческой компетенции школьников. Немало публикаций и исследований подтверждают благотворное влияние социокультурной среды, особенно регионального культурного наследия, на формирование познавательной активности и личностных качеств современных школьников. В Федеральном компоненте государственного стандарта основного общего образования по русскому языку (5–9 классы) отмечается необходимость «овладения духовными ценностями и культурой многонационального народа России». При этом Стандарт ориентирован на становление личностных характеристик выпускника («портрет выпускника основной школы»), «любящего свой край и своё Отечество,